

Б.Я. Шарифуллин

ИНВЕКТИВА: ЛИНГВИСТИКА vs. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИЛИ ЛИНГВИСТИКА atque ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Специфика человеческого общения, в отличие, например, от коммуникации в животных сообществах, заключается, в частности (или в главном), в том, что мы используем наш язык не только как средство передачи некоторой информации etc., но и как орудие (оружие?), направленное против нашего собеседника (друга, врага, соседа, супруга, начальника, подчиненного и пр.). Эта орудийная ("оружейная") функция языка, в общем, не связанная ни с потребностями общения, ни с необходимостью познания мира, отражает, в сущности, примитивные (первобытные) представления о связи слова и вещи, слова и действия - но в иной, перевернутой, перверсийной ипостаси. Если Я (охотник) наносит удары по виртуальному (нарисованному и т.п.) зверю (врагу), то в МОЕЙ реальности это событие так и произойдет. При этом совсем не обязательно словесно (или вербально) оскорблять эвентуальную добычу - более того, оскорбить ее - значит лишиться добычи. Ритуальное оскорбление добычи, а потом и врага вообще - это уже изобретение довольно "продвинутого" вперед человечества - хотя мы и до сих пор не знаем, что такое "оскорбление" [1].

Не вдаваясь во всемирную историю человечества, хочу отметить, что конкретные формы оскорбления - и, resp., реакции на него - всегда соответствовали определенному состоянию данной культуры. В большинстве известных нам культур реакцией на оскорбление (словесное или физическое) был вызов на дуэль или поединок - не только в европейском понимании этого слова [2].

То, что состояние нашей современной культуры (социальной, политической и т.п.) не может даже приблизительно воспроизводить прежние (традиционные) или предложить свои новые формы индивидуального и общественного реагирования на оскорбление, - факт очевидный. Естественно, лингвистика не может не вовлечь это явление в сферу своих интересов, поскольку обычной (и привычной) формой оскорбления является вербальная, т.е. словесная, а слова и выражения с инвективными ("оскорбительными") смыслами составляют довольно значительный пласт словаря любого языка.

Абсолютно закономерно и то, что данная проблема стала одной из "научообразующих" в новой дисциплине - юрислингвистике (лингвоюристике) [3]. В очень хорошо прописанном разделе указанной работы Н.Д. Голева "Инвективная функция естественного языка и закон о защите чести и достоинства" (С.44-53) содержатся, иногда, быть может, и в неявном виде, те основные принципы, которые могут лечь в основу даже не столько собственно юрислингвистики, сколько "чистой" лингвистики в ее речеведческой и лингвоэкологической ипостасях. И как любой абрис постановочного или "пролегоменного" характера, ряд таких положений требует и разъяснений, и более лингвистически ориентированной "прорисовки".

Безусловно, можно согласиться с тем, что "инвективная функция языка является одной из его естественных функций, которая неразрывно связана с возможностью (и жизненной необходимостью) творческого использования слова" [4]. Однако что отсюда следует? Если это естественная функция, то носитель языка должен ее исполнять - следовательно, использование инвектив есть такая же неотъемлемая часть прав языковой личности, как право на коммуникацию, передачу и получение информации, на когницию и номинацию и пр., что обеспечивается соответствующими языковыми функциями. В равной степени и адресат инвективы-оскорбления имеет право как на ответную вербальную реакцию (часто опять же в форме инвективного высказывания), так и на недопущение оскорбления в свой адрес.

Таким образом, возникает очевидная коллизия, столкновение двух противоположных позиций, противоречие между правами Говорящего и Слушающего, которые, естественно, необходимо разрешать в рамках юриспруденции. Однако такое разрешение, как известно, юридически и практически реализуется весьма плохо, и не только вследствие неразработанности соответствующих правовых норм. Примеров - как в современной России, так и за рубежом, - достаточно много (в частности, те, которые анализируются в сб. "Юрислингвистика"). Недавний пример - информационно-инвективная война между ОРТ (Доренко и др.) и НТВ, реализовавшая издавна практикуемую речевую модель поведения: "*Ты дурак!*" - "*Сам такой!*".

В подобных ситуациях очевидно и противоречие между лингвистикой и юриспруденцией, между лингвистическим и юридическим статусом инвективы. С позиций языка как естественной системы Говорящий (пишущий, адресант) как языковая личность имеет право на инвективу, а Слушающий (читающий, адресат) - на соответствующую реакцию. Инвективные интенции имеют лингвистически законную иллокутивную силу, а соответствующие высказывания описываются стандартным образом в терминах теории речевых жанров (РЖ) или речевых актов (РА) [5]. С позиции же юридических норм Говорящий (пишущий) как правовая личность не имеет законного права оскорблять других лиц, права которых гарантированы законодательством. Таким образом, в области инвективы естественный язык выступает против закона, а лингвистика - против юриспруденции. Естественно, подобная ситуация с точки зрения общества, пользующегося данным языком и данным законодательством, совершенно неприемлема и должна быть разрешена в необходимых и значимых для общества рамках.

Иначе говоря, оппозиция "Лингвистика vs. Юриспруденция" должна быть трансформирована в конъюнкцию "Лингвистика atque Юриспруденция", т.е. и лингвистика, и юриспруденция вынуждены работать совместно и находить компромиссные и удовлетворяющие друг друга решения. Другое дело, что сделать это крайне сложно. На пути "консенсуса" между лингвистическим и юридическим (иначе - лингвоюридическим или юрислингвистическим) толкованиями инвективы лежат весьма проблемные "завалы". Можно перечислить ряд вопросов, лингвистическое осмысление и истолкование которых поможет, вероятно, решить имеющиеся лингвоюридические проблемы:

1. Что такое инвективная функция языка? Действительно ли она присуща естественному языку и является для него облигаторной?
2. Что такое "инвектива"? Какой смысл необходимо вкладывать в это понятие?
3. Каков статус инвективных единиц языка и речи? Возможно ли описание инвективы в терминах РЖ (РА)?
4. Инвектива и оскорбление как РЖ: синонимы или гиперо-гипонимы (родо-видовые или видо-родовые отношения)?

Здесь не будем останавливаться на функциональной природе инвектив: реальный языковой и речевой материал свидетельствует, что инвективная функция действительно существует и для языка, в сущности, необходима. Другой вопрос - это функция языка или речи? Подробное рассмотрение сущности, характера и технологии инвективной функции - предмет специального изучения, контекст которого гораздо шире, чем проблематика собственно инвективы.

Попробуем разобраться в самом термине "**инвектива**" ("**инвективная единица**"), поскольку выяснение внутренней формы слова, как известно, приближает нас к пониманию и самого понятия, стоящего за ним. Слово "инвектива" заимствовано из латинского языка и существует в европейских языках как интернационализм [6]. Латин. *investivus*, -a, -um является производным от существ. *investio*, связанного с причастной основой глагола *inveho*, *invehi*, *investum* со значениями "ввозить, привозить, вносить, наносить; влечь за собой, причинять, вызывать, порождать; устремляться, бросаться, нападать, набрасываться, наезжать; ездить на чём-л. и т.д." [7]. Существительное *investio* значит "ввоз, привоз, въезд, нападки, выпады, брань", производное прилагательное *investivus* "привозной, импортный, иноземный и пр." - все это от исходного *veho* = ВЕЗУ. Как мы видим, уже в латыни формируется переносное значение "нападки, брань", т.е. буквально "наезд, нападение (словесное)". Иначе говоря, **инвектива - это наезд на кого-либо, вербальная атака.**

Таким образом, собственно синонимом к латинскому термину будет современное жарг. *наезд*, *наезжать* (на кого-л.), довольно активно употребляемое сейчас в этом смысле не только в устной речи, но и в языке СМИ ("*Доренко наехал на Лужкова*" и т.п.). Весьма интересное совпадение по внутренней форме латин. *investio* и русск. жарг. *наезд*, что может свидетельствовать, условно говоря, об определенной близости языкового менталитета древних римлян и современных россиян - во всяком случае, о близости соответствующих коммуникативных ситуаций и иллюкутивных намерений.

Итак, **инвектива** как речевое явление (событие) - это наезд, словесная атака, нападки, далеко не всегда выраженные в форме собственно брани, но безусловно реализующие языковую (вербальную) агрессию. Если понимать под последней "форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, другим людям, организации или обществу в целом" [8], форму, мотивированную агрессивным состоянием говорящего, то **инвектива** (инвективное высказывание) как жанр речи не тождественна **оскорблению** (также РЖ).

В процитированной выше статье материалов к словарю "Культура русской речи" активная прямая речевая агрессия толкуется как "словесное поношение кого-л. или чего-л., оскорбление или унижение кого-л.; высказывание угроз, деструктивных пожеланий в чей-л. адрес и т.п.", что, в общем, входит в смысловое содержание понятия "инвектива".

В современной специальной литературе отмечается в целом два понимания этого термина: слишком широкое (инвектива включает в себя не только оскорбление, угрозу, поношение и т.п. акты вербальной агрессии, но и употребление обценной, т.е. "матерщинной", бранной лексики, а также сплетню, клевету, любые заведомо лживые сведения, "компромат" и пр.) и слишком узкое (инвектива как вид оскорбления).

В первом случае инвективные высказывания в чей-либо адрес и характеризуются в обыденном сознании как собственно "наезд": например, в ситуации "Доренко (ОРТ, Березовский, Кремль) против Лужкова (Русинского, ОВР, Примакова)". Во втором случае к инвективным высказываниям относят только те словесные формы оскорбления, которые содержат обценную (бранную и т.п.) лексику (так, например, у В.Жельвиса [9]).

Очевидно, что более верный и взвешенный подход должен быть где-то между этими двумя крайними точками зрения. Если ориентироваться на внутреннюю форму термина "инвектива" ("наезд, словесные нападки"), то, безусловно, тексты и жанр речи, используемые С.Доренко и К^о (как и их противников в информационной войне), - это инвективы, т.е. **инвектива** как РЖ - понятие более широкое, чем **оскорбление**, **угроза** и другие, более "узкие" (первичные или простые в концепции М.М.Бахтина) речевые жанры. Иначе говоря, инвективные высказывания относятся к особому типу РЖ - инвективному, отличному от оценочных и т.д.

С другой стороны, инвективные высказывания далеко не всегда бывают "бранными" в прямом смысле или содержат обценную лексику: они могут быть выстроены в языковом воплощении таким образом, что по форме (внешне) будут представляться как нейтральные, хотя суть "наезда" от этого не меняется.

Отсюда и очевидные трудности в юридически точном и исчерпывающем определении данного речевого явления. Обычно оно ограничивается только фактом очевидного для всех словесного оскорбления (прежде всего,

выраженного через "нецензурную" лексику), что во многих случаях - особенно в текстах СМИ и т.п. - далеко не всегда так уж очевидно. Поэтому во всех подобных случаях лингвистическая экспертиза, ориентирующаяся именно на "узкий" жанр **оскорбления**, оказывается в понятийном тупике.

Как мне кажется, выходом из положения может послужить тщательный и всесторонний анализ инвективы и инвективных текстов именно как особого РЖ- например, с использованием известного набора жанрообразующих признаков в модели Т.В.Шмелевой [10] или других типов жанровых моделей и их описания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Этимологически глагол *оскорбить* - производное от *скорбь*, т.е. означает, собственно, "причинить противнику скорбь, сделать его скорбным: печальным, грустным и пр.". Того же корня и слово *ущерб*. В украинском *скорбити* значит "причинять горе, боль", а в сербском, наоборот, *скрбити* "заботиться" (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1984. Т.3. С. 160; 650-651).
2. Ср., например, такие формы культуры, как турецкие словесные поединки, описанные А. Дандесом, или негритянские ритуальные обмены оскорблениями (У.Лабов; цит. по: Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 102). Такие же вербальные "игры", словесные перебранки, предшествующие реальной "брани", т.е. битве, были характерны и для восточных славян, а также многих других народов Европы и Азии.
3. См. специальный сборник под ред. Н.Д.Голева "Юрислингвистика. I: Проблемы и перспективы" (Барнаул, 1999), особенно большую пилотную статью Н.Д.Голева "Юридический аспект языка в лингвистическом освещении" (С. 11-57).
4. Голев Н. Д. Указ. соч. С.44. Добавим, что, видимо, поэтому в антропологии и антропологической лингвистике ритуальные оскорбления, словесные поединки интерпретируются как "языковые игры" в смысле Л.Витгенштейна, в которых проявляются креативные потенции естественного языка.
5. Поэтому, кстати, необходимо дополнить известную типологию РЖ, предложенную Т.В.Шмелевой (информативные - императивные - оценочные - этикетные) еще одним классом - инвективные РЖ, поскольку коммуникативная цель у них иная, чем, например, у оценочных жанров.
6. Заметим, что в других языках имеются и синонимы (или "квазисинонимы") данного слова: например, в английском - слово *insult, insulting*, обычно переводимое на русский как "оскорблять", "оскорбление" и имеющее "ложного друга" в русск. insult (из латин. *insultus* "наскок, приступ" < *insultare* "прыгать, насакивать"). Близкая внутренняя форма, как мы увидим далее, и у слова *инвектива*.
1. Латинско-русский словарь / Сост. И.Х.Дворецкий, Д.Н. Корольков. М, 1949. С.478-479.
7. Быкова О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Материалы к энциклопедическому словарю "Культура русской речи" // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1(8). Красноярск, 1999. С.96.
8. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 1997.
9. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997.